

ТЕАТР КАБУКИ В ТБИЛИСИ

Театр Кабуки — уникальнейшее сокровище мирового театрального искусства — включил в свое триумфальное турне Тбилиси. На сцене Большого концертного зала Грузинской государственной филармонии наши гости показали «Кандзинте» («Книга пожертвований») и «Сумидагаву» («Река Сумида»).

Кабуки — наиболее современный из видов традиционной драмы, зародившейся в начале XVII века как театр простонародья, но превратившийся в ценнейший живой памятник культуры. Норматив и неприкосновенность канонизированной схемы могут показаться анахронизмом в сегодняшней Японии, одной из самых развитых технически стране, со стремительным ритмом и со всеми другими компонентами современной жизни. Театральное искусство Кабуки сегодня продолжает существование почти в первоначальном виде.

Разумеется, в Японии есть современное искусство — музыка, театр, кино, литература, но существуют и благоговейно сохраненные старинные формы. Театр Кабуки — одно из таких явлений.

Специфичность Кабуки создает определенный барьер во время восприятия театрального представления. Осведомленному зрителю достаточно взглянуть на грим и костюм актера, чтобы определить характер персонажа; услышать манеру произношения и звуковую окраску одной-двух фраз, чтобы понять смысл сцены. Здесь желательное предварительное знание «правил игры», как в спорте. Впрочем, некоторые особенности искусства Кабуки уже знакомы и использованы европейской сценой. Например, полосатый занавес чешики-маку, которому Б. Брехт и его последователи придали смысловую нагрузку для усиления эффекта отчуждения. В театре Кабуки занавес не имеет смысловой нагрузки, он просто закрывает то, что должно предстать перед взором после его открытия.

Вторая достопримечательность — ханамити (дорога цветов), деревянный помост с конца зрительного зала до авансцены. Отсюда появляются герои. Появление, как правило, носит торжественный характер, сопровождается музыкой и то, что самое необычное, — возгласами зрителей: «Вот этого мы ждали!», «Ты самый великий в Японии!» и т. д. На ханамити разыгрываются все митиюки — сцены путешествия. После окончания какого-либо эффектного эпизода актер покидает сцену «дорогой цветов», и зрителю вновь предоставляется возможность приветствовать любимого актера.

После открытия традиционного трехцветного полосатого чешики-маку мы можем опять увидеть занавес, на этот раз очень богатый и красочный, с дарственными иероглифами в правом нижнем углу. Меценаты совершают щедрое пожертвование.

Сценография, которая предстанет перед нашим взором после открытия всех занавесей, очень живописна, и назначение ее именно таково — зрелище должно быть приятно глазу. Условность сценического оформления сегодня ни для кого не является неожиданностью, хотя было бы уместно вспомнить, что в возрождении условности и значительных изобразительных средств

современного театра немало важную роль сыграло знакомство Европы в начале XX века с японским искусством.

Консерватизм Кабуки отнюдь не является фактором торможения. Он имеет свои пути развития не методом отрицания и разрушения, а методом обогащения.

Существует мнение, что в целом современный театр развился на основе трех различных школ: Станиславского, которая утверждает реализм, Мэй Ланьфана, считавшего, что театр должен передавать суть реального мира, и Брехта, который слил воедино «реалистическую постановку» Станиславского и «символическую постановку» Мэй Ланьфана. Так что современный зритель не так уж несведущ в корнях японского Кабуки, которые тождественны с эстетикой Мэй Ланьфана, в основе которой лежит не теория подражания, а теория символа.

Кабуки не стремится к достижению натуралистического реализма в диалогах и движениях, как это принято в европейском и нашем театрах. И хотя деталям уделяется большое внимание, особенно в так называемых «семейных драмах», уровень реализма строго лимитирован, не говоря об исполнении классических пьес, в которых главное внимание сосредоточено на красоте звука и движения.

Сценическая условность Кабуки имеет твердую теоретическую основу. Ничего случайного здесь нет. Вот, хотя бы то, что основной материал для декорации и всего театра — дерево: истоки театра ведут к культовым зрелищам, древняя религия японцев — синто — единственным материалом для своих построек и торжественных ритуальных обрядов допускала только дерево.

Литературная основа Кабуки так же стара, как и все другие компоненты. Здесь в основном разыгрываются мифология, легенды, исторические события, которым придается сказочный облик, и т. н. «семейные драмы», которые передают реальные события, но и они имеют фантастический облик. Некоторые пьесы заимствованы из репертуара театра кукол — дзерури, который существовал в Японии раньше, чем Кабуки. Дзерури

был очень популярен. Когда возник Кабуки и начали играть живые актеры, они стали подражать куклам. Сильное влияние театра кукол — одна из специфических особенностей спектаклей Кабуки. В движениях, жестах, мимике актеров заметен след марионеточной техники. Этим объясняется некоторая децентрализация и расчленение на отдельные моменты, стремление каждого движения к позе, статическому положению: то, что было естественно для кукол, стало характерной условностью актерской игры. И хотя актеры играют без маски, сложный и условный грим фактически является маской, тенденция к которой характеризует и актерскую мимику.

Декламацией дзерури обусловлена, очевидно, и сценическая речь Кабуки, которая очень отличается от обычной разговорной манеры. Это — особый тип речи между декламационным речитативом и песней. Как говорят, это — песня, которую рассказывают, и рассказ, который поют. Аналогичное явление и в сфере движения.

...В лондонском театре Глобус в шекспировское время играли только мужчины. Они исполняли Джульетту, Офелию, Дездемону, Порцию... И Шекспир писал для них. Основательницей Кабуки считается танцовщица Окуни. Вначале в ее труппе были только женщины, но им запретили выступления. Потом женщин заменили мужчинами. В Кабуки все роли играют мужчины. Сегодня это самая большая особенность театра. Исполнение женской роли, амплуа, которое называется оннагата, — самая почетная в Кабуки.

К сожалению, газетная статья не позволяет остановиться на сложном и очень интересном принципе актерской профессионализации. Отмечу только существование актерских династий, преемственность, основанную на духовном и художественно-артистическом родстве. В высшей степени сложна актерская техника. Вся жизнь артиста Кабуки посвящена только одному — постижению сокровенных глубин актерского мастерства и овладению принципами игры Кабуки.

Ослепляющие красотой костюмы актеров — один из впечатляющих аспектов Кабуки.

И здесь канонизирован строгий норматив не только модели и цвета, — в соответствии с характером и социальным положением персонажа, — но и ношения. Существуют особые, преувеличенные костюмы, например, с такими гигантскими рукавами, что актеру во время движений помогают слуги (куромбо). Куромбо — специфический атрибут Кабуки, хотя уже известный и позаимствованный европейским театром. В. Мейерхольд еще в 1910 году использовал их в своем «Дон Жуане». На сцене Кабуки куромбо — вспомогательный актер в черном, не имеющий к сюжету никакого отношения. Подразумевается, что зритель его «не видит», в то время как он свободно перемещается на сцене, меняет реквизит и оказывает актерам всевозможные услуги.

Выше я уже отметила условность декораций. Вместе с тем здесь любят всевозможные сценические эффекты: снег, движение морских волн, полеты, исчезновения, превращения и т. д. Часто используют люки и сценический круг, который, кстати, тоже позаимствован европейским театром.

В Кабуки все должно быть красиво, благопристойно и приятно глазу, даже сцены убийства или скорби. Здесь часто прибегают к эффекту контраста, который знаком и нам, хотя используется для других целей... Наш современный театр многим обязан Кабуки.

Такие корифеи театра, как Станиславский, Крег, Мейерхольд, Арто, Брехт, считали эталоном актерское мастерство Кабуки. Желание прославленного театра и, в первую очередь, его великого артиста, обладателя самого почетного титула «Живущего сокровища Японии» — Утаэмона Накамура VI, играть у нас в стране является фактом благородной миссии искусства — взаимопознания и духовного обогащения во имя сближения людей.

Медия Кучухидзе.

● На снимке: сцена из спектакля «Кандзинте».

Фото Г. Киквадзе.

(Фотохроника ГРУЗИНФОРМА).

